

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Т. В. ЦИВЬЯН

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ
В БАЛКАНСКИХ ЯЗЫКАХ

(к структурно-типологической характеристике
балканского языкового союза)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

МОСКВА 1964

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Т. В. ЦИВЬЯН

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ
В БАЛКАНСКИХ ЯЗЫКАХ

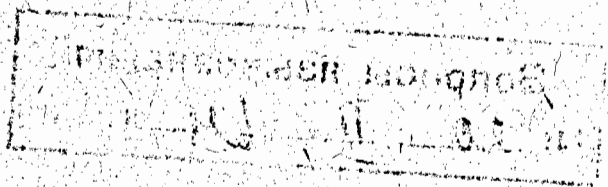
(к структурно-типологической характеристике
балканского языкового союза)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Вопросы языкознания
№ 20, II 64 г.

МОСКВА 1964

Научный руководитель
кандидат филологических наук
В. Н. Топоров

Исследование, основные положения которого здесь излагаются, рассматривает один из случаев взаимодействия разных языковых систем — контакт языков, находящихся в одном ареале и принадлежащих или могущих принадлежать к разным генетическим группам. Языки Балканского п-ва (албанский, болгарский, македонский, новогреческий, румынский с его основными диалектами, сербско-хорватский, тюркские говоры) являются классическим случаем такого взаимодействия. Анализу сходжений между ними были посвящены многочисленные работы. В начале 30-х годов появился знаменитый труд К. Сандфельда «Балканская лингвистика», вобравший в себя результаты предыдущих исследований и явившийся своеобразным пособием по «практической» балканистике. Конец 30-х годов ознаменовал последний взлет балканистики (в работах к III несостоявшемуся съезду славистов). В последующем балканистика не получила широкого развития ни в практическом, ни в теоретическом направлении и в результате значительно отстала от уровня современной лингвистической теории, что находит выражение в неудовлетворительном подходе к объяснению сущности балканского языкового союза (попытку установить происхождение балканизмов исходя из взаимовлияния языков или теории субстрата) и в некоторой тривиальности «практических» работ, основанных на прежних критериях балканистичности, достоверность которых в данное время подвергается сомнению. Между тем теоретическое языкознание уже создало предпосылки для развития балканистики как науки, изучающей такой вид взаимодействия систем, когда приходится одновременно учитывать

факты типологического, ареального и генетического характера. Так, уже в 30-х годах результаты взаимодействия получили, хотя и в самом общем виде, теоретическое осмысление в работах Н. С. Трубецкого и Р. О. Jakobsona. В итоге языковые контакты такого рода было предложено называть «языковым союзом» (Sprachbund). В настоящее время структурно-типологический подход к описанию контактирующих языковых систем выработан прежде всего в трудах У. Вайнрайха.

Настоящая работа ставит своей целью описание такого рода, предполагая, что результатом его окажется более достоверное объяснение сути БЯС (балканского языкового союза).

Уже на интуитивном уровне осознаются следующие несомненные свойства БЯС: наличие общих элементов в значительно большем количестве, чем, например, на смежных территориях, и продолжающееся увеличение схождений. Эти факты могут означать то, что в их основе лежит некоторый развивающийся процесс, который, кстати сказать, проявляется не только на языковом уровне, а захватывает, например, фольклор, народное изобразительное искусство, верования, обычаи и обряды, некоторые стороны материальной культуры и т. д. Результаты этого процесса настолько значительны, что дают возможность говорить об общепалканской культурно-исторической общности, своего рода *mentalité balkanique*.

В работе, излагаемой здесь, предлагается исходить из следующей гипотезы (разумность которой во многом зависит от полученных результатов): характер и направление схождений в БЯС определяется некоторыми условиями, необходимыми для успешного осуществления процесса коммуникации. Иными словами, предполагается, что на подсознательном уровне происходит отбор элементов таким образом, чтобы найти оптимальный вариант кодирования и декодирования сообщений на любом балканском языке для носителя любого другого балканского языка. Эта гипотеза основывается на уникальных особенностях БЯС: наличии большого количества языков и островных диалектов на относительно небольшой территории, обилии би- и полилингвистических контактов и в связи с этим большим лингвистическим разнообразием (в смысле Дж. Гринберга), лингвистической истории Балкан и т. п.

Данная гипотеза делает необходимым и оправданным изучение не статической, а динамической, активной, процессуальной грамматики в двух ее аспектах: порождающем (синтезирующем) и распознающем (анализирующем), во-первых, и привлечение особого внимания к тому ее фрагменту, который составляет необходимый и достаточный минимум для осуществления межъязыковой коммуникации, во-вторых. Поэтому в данной работе проводится описание через анализ

и синтез такого фрагмента грамматических систем балканских языков, который удовлетворяет достаточно простой ситуации устного межъязыкового общения (обладая глубиной в 4—5 слов и заданной синтаксической структурой). В качестве ядра этого фрагмента берется склонение имени существительного. Такой выбор объясняется некоторыми причинами теоретического и практического характера. Прежде всего выбор склонения в качестве типологического критерия оправдан тем, что оно не только не универсально, но и представлено в явном меньшинстве языков (так, Н. С. Трубецкой говорит о почти точном совпадении ареала склонения с территорией евразийского языкового союза). БЯС благодаря своему пограничному положению предполагает протекание в высшей степени интересных процессов: действительно, здесь происходит затухание некоторых существенных изоглосс, относящихся к склонению. При этом в пределах максимально простой фразы, принятой за основную единицу общения, основная функциональная нагрузка при обычном в таких случаях неполном или предварительном понимании падает именно на существительное (в отличие, например, от глагола, где время и наклонение не являются столь существенными). Можно предполагать, что именно с этой особенностью связано то, что наибольшие схождения БЯС обнаруживает именно в системе имени (пожалуй, именно они послужили основанием для возникновения понятия «БЯС»). 1-я глава диссертации («Основные проблемы современной балканистики») и посвящена постановке проблемы БЯС в теоретическом плане и обоснованию применяемых при описании процедур и методов. Следующие пять (II—VI) глав содержат описания через анализ и синтез имени существительного в следующих балканских языках: албанский с диалектами (прежде всего гегийский), болгарский и македонский языки с диалектами (особое внимание уделено западно-болгарским и центрально-македонским диалектам), новогреческий язык с диалектами (особенно цаконийский, маниотский и малоазийские), румынский язык, представленный дакорумынским, аромунским, мегленорумынским, истрорумынским диалектами, сербско-хорватский диалект (особо рассмотрены диалекты южной и восточной Сербии — ЮВС); в заключение излагаются некоторые наблюдения над именем в тюркских диалектах Балканского п-ва (турецких, гагаузском).

Процедура исследования заключается в следующем: для имени существительного в каждом языке в отдельности выделяется набор граммем (род, число, падеж) и устанавливаются все возможные их сочетания. Выделяется набор флексий, обслуживающих эти сочетания граммем и подсчитывается число словоформ, которые они образуют. Так, для новогреческого языка выделяется 18 сочетаний граммем

(N. Sing. m, A. Pl. f и т. д.), которые обслуживаются 16-ю флексиями, способными образовать 41 словоформу. Цель анализа — установить по фонеморфологическому виду существительного (при этом, как правило, используется обычная запись и лишь в некоторых случаях транскрипция) его морфологическое содержание, или найти, какому сочетанию граммем соответствует данная флексия. Цель синтеза — указать флексию для данного сочетания граммем. Методы анализа и синтеза так, как они применяются в данной работе, в каком-то смысле приводят к созданию распознающего или порождающего алгоритма (с рядом ограничений: опущены моменты, не существенные для описаний такого рода; например, нейтрализация между существительным и другими частями речи; задается правильное выделение и присоединение флексии и правильное соотнесение определяемого и определяющего, опущены некоторые мало употребительные флексии). Иными словами, метод описания ориентирован на то, чтобы описать все языки единообразно, с помощью более или менее одинаковых процедур, которые могут привести к результатам, наиболее интересным с типологической точки зрения. Таким образом, принцип простоты и адекватности описания полнее всего проявляется не при исследовании отдельных балканских языков, а при описании общепалланских моделей.

Анализ и синтез ведутся на двух уровнях: морфологическом и синтаксическом, для каждого из которых выделяются особые средства. Для морфологического уровня выбираются: флексии существительного, формы артиклей, флексии согласованного определения, а также ряд фонеморфологических данных (например, место и вид ударения, чередования и т. п.). На синтаксическом уровне существенны порядок слов, окружение и некоторые другие данные. Анализ и синтез проводятся в ряд приемов («шагов»), состоящих из отдельных операций и применяемых в определенной последовательности. Номер шага соответствует числу операций, из которых он состоит. Переход к следующему шагу осуществляется лишь тогда, когда все средства получить дополнительную информацию в пределах предыдущего шага уже исчерпаны, а окончательный результат еще не получен. Порядок операций определяется некоторыми общеметодологическими принципами: выбирается такая последовательность операций, чтобы проще всего было довести процесс до конца и при этом таким образом, чтобы I шаг позволял решить максимум задач. Анализ и синтез начинаются с морфологического уровня, что тоже определяется некоторыми общетипологическими соображениями, а не интересами каждого данного языка (так, например, для болгарского и македонского удобнее было бы начинать не с морфологического, а с синтаксического

уровня). После каждого шага указывается, сколько сочетаний грамем и сколько словоформ он «разрешает». Например, в албанском языке по сочетанию флексии существительного с формой определенного артикля (II шаг) определяют 18,7% словоформ (например, № 2 + -a → V, lir-i-a, N. Sing. f), в новогреческом — 31,7% словоформ (например, № 1 + i → IV, i mitera N. Sing. f), в болгарском — 12% словоформ (например, № 1 + -та → II, вечер-та; Sing. f). и т. д. Идентификация форм, которую невозможно осуществить на морфологическом уровне, переносится на синтаксический. Для языков с минимальным набором морфологических средств специально выделялся синтаксический уровень с собственными единицами (Subj., Obj. dir., Obj. obl., Atr., Adv.), которые в каждом отдельном случае могут быть трансформированы в лингвистические единицы, свойственные любому языку. Для их определения использовалось, в частности, окружение, например, в румынском: Art. poss + S. obl. → Atr., «stăpîn al casei»; Adj. + S. obl. → Obj. obl., «credincios țării».

В последней главе («Типологические характеристики имени существительного в балканских языках и их классификация в соответствии с некоторыми моделями-эталоном») рассматриваются результаты серии предыдущих частных описаний имени и строятся некоторые классификационные схемы. Эти схемы определяются материально теми языковыми единицами, которые использовались в предыдущих разделах, и их сочетаниями (например, категориями). Следует подчеркнуть, что в принципиальном отношении построение схем осуществляется таким образом, что: 1) используемые элементы схемы для носителей языка (в данном случае балканских языков) лежат на подсознательном уровне и не становятся предметом анализа, хотя и реализуются в языковом поведении говорящих, 2) эти элементы выбираются и комбинируются исследователем с вполне сознательной целью обеспечения оптимальности полученных результатов с общебалканской точки зрения. Таким образом достигается относительная объективность описания и его целенаправленность. Оправданность построения общих схем, служащих эталонами, или точками отсчета для сравниваемых систем и моделирующих ситуацию с оптимальными условиями для коммуникации, в настоящее время уже не требует доказательств. Основное внимание в итоговой главе уделяется именно конструированию такой условной схемы — модели склонения имени в БЯС, которая, будучи по возможности близкой к каждому из реальных балканских языков, была бы вместе с тем построена как фрагмент оптимального языка — посредника. Такая модель могла бы интерпретироваться, с одной стороны, как возможный конечный этап развития, к которому стремятся все балканские языки и который обеспечивает наибольшую простоту при пе-

речете с одного балканского языка на любой другой балканский язык и на язык-посредник. С другой стороны, такая модель могла бы быть представлена как своего рода динамическое устройство, которое, получая сведения о состоянии каждого отдельного балканского языка, самонастраивается и образует некую усредненную систему, связывающую балканские языки. Предполагаемый язык-посредник должен удовлетворять условию минимальной затраты усилий при распознавании и синтезировании текста, т. е. обладать достаточно общими и несложными конструкциями и притом, по возможности, в минимальном количестве. Избранный здесь подход обязывает нас исходить из того, как реализуется план содержания в формальных схемах. Естественно предположить, что говорящий имеет дело прежде всего не с отдельными словоформами, а с синтаксическим уровнем, где и появляются искомые конструкции; лишь в дальнейшем они проецируются на морфологический уровень, где, в свою очередь, происходят соответствующие изменения. Предполагается, что для понимания сообщения надо обладать некоторым лексическим минимумом (который может быть представлен как словарь-минимум, где каждая лексема выражена синонимическим рядом, например, «мальчик» — албанский «*djalë*», болгарский «момче», новогреческий «*agori*», румынский «*băiat*», сербско-хорватский «момче» и т. д.) и знанием основных способов выражения уже упоминавшихся универсальных логико-синтаксических единиц речи, которые можно интерпретировать и как способы выражения некоторых универсальных связей: предикативной, атрибутивной и т. п. Таким образом сопоставление будет проводиться внутри простого предложения, условная схема которого имеет приблизительно такой вид: Subj. — (Attr.) — Praed. — Obj. dir. — (Attr.) — Obj. obl. (примерно такая схема может считаться подтверждением гипотезы Ингве о пяти членах как нижней границе глубины предложения; естественно, что в условиях неполного взаимопонимания конструируются фразы, тяготеющие к минимальной глубине).

Первым шагом сравнения является установление совокупности всех граммем, из которых каждая встречается хотя бы в одном языке, т. е. теоретико-множественной суммы (ТМС) набора граммем БЯС, установление совокупности граммем, проходящих по всем языкам, т. е. теоретико-множественного произведения (ТМП) набора граммем БЯС, и распределение набора граммем по конкретным языкам. Полный набор граммем БЯС равен 15: три рода (m, f, n), три числа (Sing., Pl., Card.), шесть падежей (N., G., D., A., Abl., I., L.), Одушевленность/личность, определенность и неопределенность. Максимальным набором граммем (13) обладает сербско-хорватский язык; остальные насчитывают по 10 граммем. Основные различия

проявляются в конкретном составе наборов, особенно в количестве падежных граммем. При установлении типов падежных систем БЯС учитывались ТМС и ТМП набора падежных граммем (последнее, строго формально, равно единице и представлено Dig., т. е. общей формой). Dig. является основным членом классификации, а в качестве основания для деления принимается наличие/отсутствие на морфологическом уровне противопоставления Dig/Obl. причем Obl. обязательно содержит либо G., либо D., а желателно — нейтрализацию G.-D.; Dig. может выступать в роли N. и A. (при таком делении его функции несущественны). Такая классификация выделяет два типа падежных систем:

I. «Беспадежный». Функционирует только Dig., без предлога выступающий в роли N. и A., а с предлогом — в роли Cas. gen. obl. Она реализуется в болгарском, македонском и ЮВС, причем особая форма A., имеющая в них ограниченное распространение, в данном случае рассматривается как алломорф Dig.

II. Двухпадежный. Существует противопоставление Dig/Obl, где эти падежи могут разворачиваться указанным выше способом. Реализуется в остальных языках. Нейтрализация в Obl. G.-D. отмечается в албанском и румынском.

Таково ядро падежных систем БЯС (исключены падежи, встречающиеся только в одном языке, например, L. в сербско-хорватском). Бедность падежных систем свидетельствует о необходимости некоторых дополнительных средств для выражения универсальных логико-синтаксических единиц. В их число входят фиксированные предложные конструкции и прежде всего сочетание Dig. с Praep. («на», «од», «eis», «ре»). Внутренние ресурсы балканских языков позволяют выделить следующие способы выражения логико-синтаксических единиц:

- a) Subj.: Dir. sine Praep. √ N. — все языки;
- b) Obj. dir.: Dir. sine Praep. √ A. — все языки; Dig. cum Praep. при одушевленных существительных — румынский, ряд македонских диалектов.
- c) Obj. obl.: Dig. cum Praep. — болгарский, македонский, ЮВС, новогреческий;
Obl. sine Praep. — албанский, румынский, сербско-хорватский.
- d) Atr.: Dir. cum Praep. — болгарский, македонский, ЮВС;
Obl. sine Praep. — албанский, новогреческий, румынский, сербско-хорватский.

Такое разбиение делит языки на группы в зависимости от того, как в них выражаются Obj. obl. и Atr. — морфологическим (например, румынский), синтаксическим (например, болгарский) или морфосинтаксическим (новогреческий) способом.

Далее устанавливаются способы снятия на синтаксическом уровне нейтрализации Subj. — Obj. dir. и Atr. — Obj. obl. Регулярными, но не обязательными средствами являются: 1) местоименная реприза, выделяющая Obj. dir. и Obj. obl. (по грамматическим нормам обязательная только в македонском) и связующий артикль, выделяющий Atr. (функционирует в албанском и румынском). Определенная информация извлекается из предиката и из окружения. Обращает на себя внимание тот факт, что порядок слов в предложении отличается весьма большой свободой. Это приводит к заключению, что именно фиксированностью элементов в предложении можно поступиться в условиях межъязыкового общения с затрудненным пониманием. Предполагается, что в такой ситуации существенна именно возможность менять порядок слов несколько раз, выделяя тем самым наиболее существенные моменты содержания, пока оно не станет ясным (при этом следует учитывать относительную стабильность порядка слов в элементарных синтаксических конструкциях).

Далее с большей подробностью, обеспечиваемой введением некоторых количественных характеристик, описываются средства морфологического уровня. В качестве модели-эталона выбирается II тип падежной системы (Dir./Obl.), независимо от того, происходит ли это противопоставление на морфологическом уровне, как в румынском, или на синтаксическом, как в болгарском. Эффективность средств морфологического уровня выражается в виде разрешающей способности «шагов» анализа и синтеза. ТМС набора шагов для всех балканских языков имеет следующий вид:

I. флексия существительного;

Ia. флексия существительного и акцент;

II. Флексия существительного и форма определенного артикля;

IIa. Флексия существительного и флексия согласованного определения;

IIb. флексия существительного и форма связующего артикля;

III. флексия существительного, форма определенного артикля и флексия согласованного определения.

Обычно каждый язык использует три или четыре (болгарский и македонский) шага. Характеристикой разрешающей силы каждого шага служит отношение числа определяемых им словоформ к общему числу словоформ, подлежащих определению (учитываются только случаи определения сочетания всех трех граммем; т. е. и рода, и числа, и падежа). Выбор шагов осуществляется по языкам следующим образом (при каждом шаге указывается его разрешающая сила):

- 1) албанский: II (18,75%); IIa (8,33%); IIa (6,25%);
- 2) болгарский: I (16%); II (12%); IIa (32%); III (8%);
(македонский)
- 3) новогреческий: I (7,30%); II (31,7%); III (9,99%);
- 4) румынский: II (80%); IIa (6,7%); III (13,3%);
- 5) сербско-хорватский: I (7,10%); II (3,6%); IIa (16%);
- 6) ЮВС: I (28,6%); II (42,9%); IIa (21,4%).

Интересно, что флексия существительного (I шаг) обладает наименьшей разрешающей силой в языках с явно выраженным флективным строем (см. сербско-хорватский). Гораздо большая нагрузка падает на II шаг, а в болгарском и македонском на IIa шаг. В обоих случаях прагматическая информация вынесена за пределы существительного и содержится либо в форме артикля, либо во флексии прилагательного. Такое «вынесение» прагматического показателя за скобки считается существенной чертой имени БЯС. Обычно роль показателя отводится форме определенного артикля (который при этом в ряде случаев теряет значение собственно определенности, как это происходит в некоторых новогреческих и румынских диалектах). Для подтверждения специфических функций балканского артикля был произведен эксперимент установления соответствующей роли артикля в немецком языке, по морфологическому разнообразию форм находящемуся приблизительно на уровне БЯС. Выяснилось, что его разрешающая способность равна 6,8%. Поразительное различие между количеством словоформ, идентифицируемых с помощью артикля в немецком и балканских языках, является существенным аргументом в пользу его особой роли в БЯС. В связи с этим предлагается включать в список балканизмов «грамматичность» артикля, понимаемую в указанном выше смысле, считая это его свойство более существенным чем постпозитивность, тем более, что последняя соблюдается далеко не во всех языках и особенно диалектах. При методе, примененном в данной работе, место артикля было вообще несущественным (существительное, к которому он относится, указывалось, заранее). При ином подходе могут реализоваться две возможности: либо место артикля будет играть существенную роль при установлении связи его с существительным, либо постпозитивность придется считать индивидуальной чертой балканских языков, не релевантной при процессах анализа и синтеза.

Сравнение наборов средств для анализа и для синтеза (как известно, в достаточно сложных системах анализ и синтез несимметричны) позволило выделить некоторые моменты, важные именно для синтеза. Так, для всех балканских языков пришлось сообщать при исходной форме дополнительную информацию, необходимую для конструирования остальных форм парадигмы. ТМС набора сведений включает в себя род, исход

основы, количество слогов, ударение (место и вид), одушевленность, собственность, флексию Р1., суффикс исходной формы графические изменения (затрагивающие гласные, согласные, ударение). Эти данные не являются ни исчерпывающими, ни равнозначными (для каждого языка приходится прибегать к спискам). Следует подчеркнуть, что для синтеза чрезвычайно существенно указание рода, который при анализе был почти избыточен, являясь, в сущности, лишь показателем взаимной связи слов в предложении. При синтезе сообщения о роде бывает достаточно для однозначного выбора флексии (например, указание на женский род в албанском языке при выборе флексии Р1). Величина набора является характеристикой «удобства» анализа и синтеза: предполагается, что при анализе «выгодно» обладать особыми конструкциями для каждого сочетания граммем, поэтому количество этих конструкций не так существенно; простота же синтеза обеспечивается тем, что сочетаниям граммем соответствует минимальное число конструкций, а неоднозначность их соответствия сочетаниям граммем менее существенна. По критерию преимущественного «удобства» анализа или синтеза, понимаемого в таком смысле, балканские языки разбиваются на следующие две группы: 1 группа: преимущества при распознавании, обеспечиваемые минимальной нейтрализацией; в эту группу включаются новогреческий и отчасти албанский. 2 группа: преимущества при синтезе, обеспечиваемые минимальным разнообразием конструкций и минимальной синонимией; в эту группу включаются все остальные, кроме сербско-хорватского. Последний занимает промежуточное положение: с одной стороны, развитая система склонения затрудняет синтез, с другой, низкая разрешающая способность флексий ставит препятствия анализу. Это же соотношение проходит и внутри каждого языка: тип и характер связи между анализом и синтезом определяется тем, на каком уровне преимущественно они происходят: если на морфологическом, то анализ проще синтеза; если на синтаксическом, то синтез проще анализа.

В зависимости от того, на каком уровне совершаются преимущественно анализ и синтез, балканские языки разбиваются следующим образом. В группу, где можно ограничиться морфологическим уровнем, входит новогреческий (где на долю синтаксиса приходится разрешение нейтрализации N.—А. в среднем роде, что, как известно, не является специфической особенностью именно новогреческого языка). Для остальных языков речь идет не о частном случае, подобном приведенному выше, а о необходимости проводить процедуры анализа и синтеза отдельно на морфологическом и синтаксическом уровне, причем последний бывает едва ли не полнее первого. Недостаток формальных ресурсов языка вызывает необходимость использовать средства лексико-семантического уровня с учетом контек-

ста и ситуации (крайней точкой в этом отношении является болгарский язык).

Другим критерием сопоставления балканских языков выбирается степень близости к ТМС и ТМП набора граммем, принимаемым за 100%. По отношению к ТМС языки располагаются в следующем порядке: сербско-хорватский — 86, (6) %, все остальные — по 66, (6) %. ТМП набора граммем строго формально равно пяти: два рода (m, f) два числа (Sing., Pl.) и один падеж (Dir.). Однако некоторые особенности существительного в БЯС позволяют прибавить к этому граммему Obl. (G.—D.), независимо от того, на каком уровне она реализуется, и считать ТМП равным шести. Тогда набор граммем в болгарском, македонском, ЮВС и румынском языке будет равен ТМП набора граммем БЯС. Сербско-хорватский, новогреческий языки и мегленорумынский диалект румынского войдут в особую группу языков с регулярным различием Atr./Obj. obl.

В результате сравнения выяснилось, что балканские языки обладают, с одной стороны, некоторым общим набором одинаковых конструкций а с другой стороны, обнаруживают тенденцию свести к минимуму формальные средства, употребляемые при кодировании и декодировании сообщений. Эти выводы существенны для попытки построения модели языка-посредника БЯС. Если допустить, что сближение некоторых частных систем балканских языков основано на неосознанном стремлении к созданию своего рода системы-посредника между ними, то очевидно, что такая мета-система должна удовлетворять ряду определенных требований: поскольку взаимодействие начинается не с нулевой ситуации, а в момент, когда каждый балканский язык уже имеет свою особую систему, организация системы посредника подчиняется не только требованиям создания оптимального средства для коммуникации, но и зависит от исходных систем. Независимым требованием, предъявляемым к языку посреднику, следует считать требование простоты, рассматриваемой в двух аспектах: 1) простота качественная, состоящая в том, чтобы для коммуникации использовались однозначные, легко выделяемые конструкции; 2) простота количественная, состоящая в том, чтобы число таких конструкций было минимальным (в обоих случаях имеется в виду только простота формальных средств). Кроме этого требуется, чтобы структура языка-посредника не была слишком чуждой структуре каждого данного языка и чтобы переход к ней осуществлялся в минимальное число шагов. Предполагается, что язык-посредник должен стремиться к тому, чтобы использовать модель так называемого идеального языка, являющегося одновременно синтетически и аналитически простым (синтетически простым считается язык, в котором каждому сочетанию граммем соответствует только одна флексия; аналитически простым — тот, в котором каждая флексия вы-

ражает только одно сочетание грамем). К синтетически простому языку предъявляется требование количественной простоты, а к аналитически простому — требование качественной простоты. Для установления модели, которую выбирают балканские языки, осуществляется следующий эксперимент: выбираются две фразы, составленные таким образом, чтобы в них отражались четыре основных логико-синтаксических единицы и одновременно нейтрализация Atr. — Obj. obl. («Мальчик читает книгу девочки» и «Мальчик читает книгу девочки»). Эти фразы переводятся на все балканские языки и затем записываются в общем виде (Subj. — Praed. — Obj. dir. — Atr. — Obj. obl.). двойко: 1) с сообщением ТМС формальных средств, используемых балканскими языками; 2) с сообщением ТМП формальных средств, используемых ими. (Круглые скобки обозначают факультативность; каждый последующий порядковый номер — введение нового средства). Запись ТМС имеет вид:

Subj. — Praed. — Obj. dir. — Atr. — Obj. obl.
 флексия 1] флексия 1V2 — флексия 1V2V3 } флексия 1V2V4
 (реприза) (связующий) предлог 1 +
 (артикль) + флексия 1V2
 предлог 1 + (реприза)
 + флексия 1V2

Запись ТМП имеет вид:

Subj. — Praed. — Obj. dir. — Atr. — Obj. obl.
 флексия 1] флексия 1 } флексия 2 } флексия 2
 флексия 1 + } флексия 1 + }
 + предлог 1 } + предлог 1 }

Модель ТМП представляет собой синтетически простой язык (по определению, данному выше). Ей полностью соответствуют болгарский, ЮВС и румынский (в македонском языке обязательна реприза). Модель ТМС приближается к аналитически простому языку, обладая индивидуальным формальным выражением каждой логико-синтаксической единицы. К ней приближаются новогреческий и сербско-хорватский языки. На том основании, что большинство языков БЯС тяготеет к модели ТМП, предполагается, что именно она подсознательно выбирается для конструирования языка-посредника: выбор осуществляется в пользу синтетически простого языка с почти полным отсутствием синонимии флексий и минимумом грамматических средств. Существенной особенностью балканских языков является то, что стремление к синтетически простому языку связано в них с удалением от аналитически простого. Предельный минимум грамматических средств приводит к регуляр-

ной нейтрализации логико-синтаксических единиц при том, что средства для ее разрешения необязательны.

Очевидно, только такой минимум может снять или, по крайней мере, значительно уменьшить затруднения при кодировании, которые являются более существенными. Что же касается декодирования, то, видимо, условия общения, сравнительная ограниченность ситуации, известность материала и т. д. позволяют перенести тяжесть с грамматического уровня на другие и, насколько возможно, упростить формальные средства. Преимущественная ориентированность языка-посредника именно на синтез (в этом можно видеть лишнее доказательство активного характера языка во взаимодействиях в пределах БЯС) отчасти проявляется и в том, что конструкции, направленные на облегчение анализа (например, местоименная реприза), практически не обязательны, хотя и предписываются нормативными грамматиками.

Данная работа посвящена узко-синхронному анализу. Разумеется, для решения задач более широких, чем поставленные здесь, целесообразно ввести некоторые другие критерии, сравнение с которыми помогает определить специфику БЯС. В частности, существенным является генетический критерий: сравнение языка определенной генетической группы, ставшего членом БЯС, с другими родственными языками (например, болгарского со славянскими) для того, чтобы определить движение данного языка к общебалканской модели. Мера отклонения от родственных языков будет характеризовать степень вхождения в БЯС.

Сравнение по диахронической оси, проведенное, например, в виде сопоставления нескольких срезов, каждый из которых соответствовал бы состоянию языка в определенный период, будет способствовать датировке балканизмов и соответственно определению периода формирования БЯС.

Всесторонний комплексный подход к явлениям БЯС в свете современной языковедческой теории является наущной задачей балканистики.

Основные положения диссертации опубликованы в следующих работах:

1) Т. В. Цивьян. Задачи современной балканистики. Ответ на вопрос к V международному съезду славистов. «Славянская филология»: I, София, 1963.

2) Т. В. Цивьян. Опыт описания форм новогреческого существительного методом анализа и синтеза. «Вопросы языкознания», 1963, № 6.

3) Т. В. Цивьян. Некоторые вопросы описания румынского существительного. В сб.: «Исследования по индо-европейскому языкознанию». М. АН СССР (в печ.).

4) З. М. Волоцкая, Т. Н. Молошная, Т. М. Николаева, И. И. Ревзин, Т. В. Цивьян. Об одном подходе к типологии славянских языков. «Славянское языкознание». Доклады советской делегации к V международному съезду славистов, М., 1963.

